

ПЕСНИ, ОПАЛЕННЫЕ В БОЯХ

Ю. НОВИКОВ

Кто из ветеранов Великой Отечественной не помнит тревожившую сердце «Бескозырку» — песню И. Жака на слова Н. Верховского!

Бескозырка,
Ты подруга моя боевая...
Не многие знают, что в самом начале войны весь тираж этой пластинки, выпущенной ленинградской фабрикой «Музтрест», ушел на фронт, а точнее, на флот. Ушел воевать. Песня была в огне морских сражений, помогала крепнуть душе, учила стойкости в трудные минуты.

Ленинградский журналист и коллекционер Борис Метлицкий, с которым меня свели пути-дороги корреспондентские, не просто с увлечением, а самозабвенно рассказывает об истории создания знаменитых песен военных лет, показывает ставшие уникальными пластинки той поры.

— Перед войной в стране было четыре фабрики грампластинок: ленинградский «Музтрест», рижский «Беллаккорд» и две московские — Ногинская и Апрелевская. С началом войны прессы всех фабрик остановились — не сразу, конечно. Завод в Апрелевке перешел на производство минометов.

В Ленинграде экспериментальная фабрика до блокады выпустила лишь специального назначения диски с записями: «Граждане, воздушная тревога!», «Отбой воздушной тревоги!», инструкции «Как гасить зажигательные бомбы», «Как вести себя во время воздушного нападения» и т. п. Тираж их был ограничен и предназначен для радиостудий города и области.

— Сохранилось ли что-нибудь из этих записей?

— Единичные экземпляры.

Уже в 1941 году, после успешного зимнего контрнаступления

Красной Армии под Москвой, а в особенности после окружения 6-й армии Паулюса под Сталинградом, в Радиокomitee, в Москву, полетели солдатские письма-треугольники: ох, пластинок бы! Почему не выпускают новых? Фашистов бьем, а музыки нет!

И тогда в Апрелевке всего несколько прессов снова переключили на мирную продукцию. В сборочном на конвейерах собирали минометы, а за стеной тискали тяжелые шерлачные диски. Что печатали?

В московском Доме звукозаписи уже в конце 1942 года ввели новую нумерацию. Одной из первых была записана Клавдия Шульженко, исполнявшая популярнейшую тогда песню — «Синий платочек».

...Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогах.

В холодной студии ДЗЗ, где музыканты оркестра сидели в шубах и валенках, зимой 1943/44 года записывались, не снимая пальто и теплых шарфов, С. Лемешев, Г. Виноградов, С. Хромченко, Л. Утесов, В. Бунчиков и В. Нечаев... Пластинки шли на рыхват, но главные партии их отправлялись на фронт.

— Качество пластинок, наверное, было невысоким?

— Ошибаетесь. Вот одна из первых ласточек 1942 года — чем плоха?

Беру пластинку под взглядом собирателя особенно бережно, осторожно. Пластинка как пластинка, не хуже послевоенных. Вот только этикетка блекло-серая; фирменный знак — ласточка на фоне скрипичного ключа — и буквы съехали в сторону от шпindelного отверстия.

— Эти штампы ставили вручную, — поясняет мой собеседник, — их делали из резины. Ти-

пографиям было не до этикеток.

Перебираем диски тех грозных лет. Что же слушали наши бойцы в минуты отдыха? «Есть на Волге утес» (ансамбль А. Александрова), «Тучи над городом встали» (Ефрем Флак), записи Леонида Утесова, джаз-ансамбля Владимира Коралли — это в 1943-м. «В лесу прифронтовом», «Марш 53-й гв. стрелковой дивизии» (духовой оркестр Наркомата обороны п/у С. Чернецкого), записи хора имени Пятницкого, «Однозвучно гремит колокольчик» и «Соловьем залетным» (академический хор А. В. Свешникова), «Коробейники», «Выхожу один я на дорогу», «Валенки» (Лидия Русланова), вальс «Березка», «Расцветали в поле цветики» (С. Лемешев)... Разумеется, в те годы в гости к бойцам приезжали и бригады артистов, среди которых были М. Михайлов, Э. Гилельс, В. Барсова и другие замечательные мастера, но все-таки главным для фронтовиков были патефон и набор пластинок.

Постепенно выпуск их восстанавливался в прежнем объеме.

В Ленинграде сразу после снятия блокады стали записывать — сначала в артели «Пластмасс», выпускавшей пуговицы и расчески и наладившей небольшую звукозаписывающую студию. Певица Софья Преображенская записала романсы С. Рахманинова. Стали записывать и танцевальную музыку.

— Какая пластинка в вашей коллекции самая примечательная?

— Я начал собирать в 1936 году, шестнадцатилетним паренком, и примечательных немало. Пожалуй, уже сам факт, что во время блокады мою библиотеку сожгли — меня в Ленинграде не было, — а пластинки, не зная, что они горят не хуже угля, оставили — уже примечателен для их судьбы. Но если серьезно...

Борис Григорьевич приносит из святой святых пластинку стандартного, как сказали бы специалисты, размера и веса. Читаю текст на этикетке: «Центральное агентство ВЦИК. Центропечать. Советская пластинка. «III, Коммунистический Интернационал». Слово тов. Ленина».

— Эта пластинка была выпущена в 1919 году первой в молодой Советской республике. У таких была особая судьба: их печатали большим тиражом и распространяли бесплатно по комбедам и укомам. Эти пластинки несли живое ленинское слово в массы, туда, где не было еще электричества, но имелись граммофоны различного рода. Вроде таких, например.

Мой собеседник ставит на стол небольшой ларец с двухъярусными дверцами. Внизу — пружинный мотор и звукопередатчик, верхний отсек служит резонатором.

— Это дедушка патефона. В моем представлении граммо-

фон — это прежде всего большая изогнутая труба, и, видя мое недоумение, Б. Метлицкий говорит:

— Есть у меня и с трубой. Но большая часть коллекции — бывшие в почете напольные граммофоны русских и иностранных марок. Они строились по такому же принципу, что и этот настольный... Вы спрашиваете: какова роль собирателя моего жанра, коллекционеров-филофонистов? Она, на мой взгляд, огромна. И дело не только в том, что я, например, выступаю часто с лекциями в клубах любителей музыки, демонстрируя свои аппараты в Доме культуры имени Ленсовета или перед студентами консерватории. Главное в том, что иной раз удается сделать пусть маленькое, но открытие. Например, композитор Матвей Блантер не знал, что в 1925 году вышла его пластинка «Джон Грей». Фокстрот неизвестного тогда автора исполнял первый советский джаз-бэнд. Леонид Утесов сам не располагает, оказывается, всеми своими дисками, какие имеются у коллекционеров... Особенно относящимися к военным годам.

Вновь разговор заходит о военной поре, опять мы вспомнили «Бескозырку» в исполнении Я. Чекина с оркестром Я. Скоморовского.

— Вот выпустила «Мелодия» диск «День Победы». Хорошая пластинка: там и Тухманов, и поет Богатиков, и песни военных лет есть, но... где же история? Где «Синий платочек», «Бескозырка» и другие песни? Поверьте, тысячи ветеранов согласятся со мной: надо, пока не поздно, выпустить пластинку-мемориал с подлинными записями военного и предвоенного времени — с той самой музыкой и теми певцами, что сопровождали солдат в их тяжелом походе. Пусть она будет монофонической, эта пластинка, с шипением — хотя при современной технике это можно отредактировать, — но пусть она перенесет нас в ту эпоху. А ведь можно и опоздать, ибо матрицы выбрасывались в металллом, пластинки выпускались разовыми тиражами — теперь они исчезают, эти бесценные свидетельства истории нашего народа, отраженной в песнях.

— Борис Григорьевич, сколько дисков в вашей коллекции?

— Свыше пяти тысяч, точно не знаю: работа над книгой не дает закончить систематизацию. Если же будете писать о моей коллекции, то очень прошу: напишите, чтобы все, у кого сохранились старые пластинки 1941—1943 годов с серыми этикетками, относились к ним как к реликвиям военной поры. Моя мечта? Собрать воедино максимум записей тех лет и издать хотя бы пару альбомов. Пластинки — это документы эпохи, и они могут о многом рассказать нашему современнику.

Б. Г. Метлицкий.

Фото В. Голубовского

